

кажется, будто не живешь это сам. А кто-то тебе про такое рассказывает. Главное то, што все люди, которых мне дают и которых мы с Мамой уставляем на место министров, — либо подлец над подлецом, либо продажная шкура. До чего подлый народ... Один любит баб, другой — вино, третий — карты. Одному — чтобы честь, почет, другому — деньги». Записаны в «дневнике» и указания, будто бы переданные Распутиным через императрицу Николаю II: «Што он должен это константинопольское дело так повести, штобы и английские, и французские правители уже знали, што это секретные разговоры, а што если што сказано, то и выполнить надо: што будет того требовать потом вся Рассея. А не то, штобы разговорами прохладяться» (2003, с. 361, 372, 373, 376, 391, 401, 422, 424).

В «дневнике» часто и пространно цитируются различные документы (письма, телеграммы) и чужая речь. В частности, приведены в пересказе слова, якобы сказанные Дедюлиным: «Царь, от тебя твой народ откажется, потому, грит, большой позор российским столбовым дворянам быть под мужиком, ...а всего страшнее, што об нас уже печалится... и заграничная страна» (2003, с. 365–366, 386–388; 2008, с. 38–39, 219 и др.). Вместе с тем в тексте обильно используются нецензурная лексика, простонародные выражения, междометия, выдающие стилизацию под живую речь Распутина. В этой имитации «народной стилистики» публикаторы увидели «неповторимый распутинский стиль» (2003, с. 341). Между

тем тексты, принадлежность которых Распутину не вызывает сомнения, несмотря на то, что они также были литературно обработаны разными лицами, стилистически гораздо более цельны и однообразны<sup>1</sup>. Хорошо известные записочки и телеграммы Распутина, не прошедшие редактуру, и вовсе отличаются путанным изложением и малограмотностью<sup>2</sup>.

Публикаторы «дневника» утверждают, что, независимо от его подлинности или подложности, он создает «едва ли не наиболее достоверный и целостный из имеющихся на сегодня в исторической литературе психологический портрет Распутина» (2008, с. 33–34). На самом деле «дневник» вовсе не раскрывает личность предполагаемого автора, действующего как герой второсортного авантюрного романа. Это, безусловно, один из ярких образчиков фальсификаторства 1920-х гг., воплотивший в себе весь творческий напор и этическую неразборчивость той эпохи.

**Ф.А. Гайда,**  
кандидат исторических наук  
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

#### Примечания

<sup>1</sup> *Распутин Г.* Житие опытного странника. СПб., 1907; *он же.* Мои мысли и размышления. Ч. 1. Пг., 1915.

<sup>2</sup> Подробнее см.: *Варламов А.Н.* Григорий Распутин-Новый. М., 2008. С. 450–455.

### **С.В. Болотов. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2011. 315 с.**

Взаимоотношения Церкви и государства в СССР посвящено уже немало диссертаций, монографий, а также множество статей и публикаций. При этом простор для исследований до сих пор остается весьма широким. Материалы отечественных и зарубежных архивов постепенно дополняют и проясняют картину данного периода нашей истории. 1930–1950-е гг. — один из наиболее интересных этапов сложного пути церковно-государственных отношений. Поворот государственной политики от уничтожения Церкви к ее восстановлению может показаться необъяснимым (отчасти из-за недоступности некоторых документов) и допускает разные трактовки,

нередко зависящие от политических симпатий и антипатий авторов. К сожалению, даже в серьезные статьи и монографии проникают неподтвержденные документально легенды о митрополите Илии (Караме), о покаянии руководителей СССР в прежнем безбожии и т.д. В связи с этим каждая новая научная работа, раскрывающая нюансы церковно-государственных отношений середины XX в., становится заметным событием в научной жизни. В полной мере это относится и к рецензируемой книге Сергея Вячеславовича Болотова.

Основанная на анализе архивных документов, она привлекает внимание строгим научным подходом к истории сотрудничества

Русской Церкви и советского государства. Но здесь возникает серьезная богословская и историческая проблема. Конечно, в сотрудничестве государства и Церкви нет ничего предосудительного. Идеалом церковно-государственных отношений долгое время считалось сложившееся во времена императора Юстиниана представление о симфонии Священства и Царства, при которой Церковь заботилась об укреплении и могуществе государства, возглавляемого православным монархом. Однако в конце 1930-х – начале 1950-х гг. ситуация была далека от византийских образцов. Ведь Русская Церковь была вынуждена поддерживать могущество государства, идеологическим стержнем которого был воинствующий атеизм. При этом власть, с одной стороны, стремилась к внешнему укреплению авторитета Русской Церкви для использования его в своих политических интересах, а с другой стороны, вела с ней упорную идеологическую борьбу, что блестяще показано Болотовым.

Во введении автор знакомит читателя с историографией исследуемой темы и основными источниками, рассмотренными в его работе. В первой главе выявлены причины, побудившие партийное руководство изменить свой курс в отношении Церкви, отказаться от планов ее уничтожения и предоставить ей некоторую свободу. Вслед за ведущими исследователями данного вопроса Болотов связывает смену курса со стремлением советского правительства улучшить свою репутацию за рубежом, демонстрируя терпимость к Церкви, а также с намерением использовать духовенство во внешней политике, выдвинув Московский патриархат в центр мирового православия. Разумеется, это предполагало не ликвидацию Церкви, а жесткий контроль над ней (с. 94–95). Болотов отмечает, что государство пыталось заставить Церковь действовать в его интересах еще в 1920-е гг., добиваясь от церковного руководства публичных заявлений об отсутствии гонений. Но с началом Второй мировой войны положение несколько изменилось. Теперь представители Церкви должны были не только отрицать репрессии, но и содействовать установлению советского образа жизни на территориях, отошедших к СССР в 1939–1940 гг. (с. 45–46). Еще одной причиной ослабления давления на Церковь стало массовое распространение по всему миру литературы о преследованиях религии в СССР. Автор отмечает, что эти сведения проникали даже в западные коммунистические газеты (с. 48). Поэтому в условиях Великой Отечественной войны необходимо было показать союзникам, что Церковь в Советском Союзе свободна (на-

стойчивые просьбы прекратить гонения шли от президента США Ф.Д. Рузвельта (с. 64)).

Болотов обращает внимание на то, что наиболее значимые мероприятия в религиозной жизни государство специально проводило накануне важных международных совещаний. Такие мероприятия демонстрировали благожелательное отношение к религиозным общинам и выглядели весьма эффектно. Так, избрание патриарха Сергия, а также съезд мусульманского духовенства, открытие медресе в Бухаре и Ташкенте были приурочены к Тегеранской конференции (с. 71). Поместный собор 1945 г. начал работу накануне Ялтинской конференции, а в день ее открытия 4 февраля был избран патриарх Алексий. Наконец, собор Армянской церкви сознательно проводился в июне 1945 г., незадолго до Потсдамской конференции. Восстановление разгромленной Армянской церкви было политически выгодно не только для улучшения имиджа советского руководства, но и в связи с претензиями СССР на территории Армении, оказавшиеся после Первой мировой войны в составе Турции (с. 74–75). Кроме того, 1944–1946 гг. были ознаменованы активными контактами представителей Московского патриархата с православными общинами в странах Восточной Европы. Нельзя не согласиться с важным замечанием автора, что Русская Церковь и сама была заинтересована в восстановлении международных связей, разорванных в 1920–1930-е гг. (с. 114–115).

Во второй главе Болотов рассматривает взаимоотношения Церкви и государства в середине 1940-х гг. Как показано в книге, патриарх Алексий I после своего избрания сразу же включился в международную деятельность, оправдывая в своих выступлениях политику советского режима и способствуя его укреплению в мире. Со своей стороны, советское руководство всячески способствовало распространению влияния Московского патриархата за границами СССР и, в частности, изоляции Русской Зарубежной Церкви, жестко обличавшей коммунистическую идеологию (с. 153–154). Болотов приводит данные о том, что в 1945–1946 гг. за границу было отправлено 17 делегаций Русской Церкви и принято 13 делегаций от других поместных церквей (с. 173–174). Политические задачи решались и в ходе поездки на Ближний Восток патриарха Алексия I. С помощью Русской Церкви Советский Союз рассчитывал получить влияние на другие поместные церкви и даже оказывал им материальную помощь, как, например, Болгарской Церкви (с. 165, 167). Укрепление позиций Русской Православной Церкви в различных странах использовалось для усиления в них советского влияния. Именно этим Болотов

объясняет активную деятельность Московской патриархии в Албании, Чехословакии, Румынии, Венгрии и Финляндии.

Острой проблемой являлся тогда униатский вопрос, беспокоивший власть и затрагивавший религиозные чувства жителей Западной Украины. Поначалу к униатам в СССР относились спокойно, и мирное развитие отношений с ними казалось вполне возможным. Однако уже в апреле 1945 г. государство изменило свою политику, начав атаку на католичество. По мнению Болотова, на это повлияла смерть Рузвельта, выступавшего в защиту религиозных свобод, а также осложнение отношений СССР с западными державами. Видя в Ватикане врага коммунистического движения, советское руководство решило привлечь к борьбе с ним Русскую Православную Церковь (с. 132). В сложившейся обстановке греко-католики оказались в наиболее уязвимом положении. Условия для их постепенного перехода к православию существовали, среди униатов немало священников и мирян искренне стремились к объединению с Русской Православной Церковью. Однако насилие со стороны государства, принуждавшего к воссоединению под угрозой ареста, тюремного заключения и ссылки, погубило благие начинания сторонников церковного единства (с. 134–136).

Не менее интересна третья глава монографии, посвященная международной деятельности Московской патриархии в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Большое внимание уделено в ней проведению в Москве в 1948 г. Всеправославного совещания, которое до сих пор вызывает заметный интерес у богословов и историков. Его участники обсуждали ряд сложных экклесиологических проблем. Так, при рассмотрении вопроса о признании англиканской иерархии приходилось решать, действительны ли таинства, совершаемые духовенством, находящимся вне православной Церкви. Не менее серьезны были затруднения, связанные с церковным календарем: по сути, речь шла о возможности сохранить единство православного мира в условиях, когда заметная его часть, приняв новый календарь, подпала под церковное отлучение, и прежде всего, под анафемы Собора 1583 г. Вызывала разногласия и целесообразность участия православной Церкви в экуменическом движении. При этом требовалось определить границу допустимых взаимоотношений между Церковью и отделившимися от нее конфессиями. В настоящее время решения Совещания 1948 г. переиздаются, а его строгая антиэкуменическая позиция противопоставляется последующим заявлениям Русской Церкви<sup>1</sup>.

Безусловно, Всеправославное совещание проводилось в рамках политики советского правительства, стремившегося превратить Москву в некий «православный Ватикан»<sup>2</sup>. Для этого нужно было перехватить церковно-политическое лидерство у Константинопольского патриарха, имеющего первенство чести в православном мире (с. 205), одновременно предполагалось активизировать критику католицизма (с. 195–197). Тщательно исследовав предысторию и подготовку Совещания, Болотов показал, что организация государством данного мероприятия отнюдь не была нацелена на то, чтобы принести пользу Русской Церкви. От этого лидеры СССР, возобновившие в 1947 г. гонения на Церковь (с. 260–261), как раз были далеки. Любопытно, что даже темы докладов на Совещании придумывали не служители Церкви, а Г.Г. Карпов (с. 199). Представители поместных церквей привлекались к участию в Совещании с помощью давления и подкупа (с. 215).

Между тем, как показал Болотов, изначально в Москве планировалось провести более крупное мероприятие – всехристианскую конференцию (с. 203), не состоявшуюся из-за противодействия Ватикана. Так или иначе, уже в 1940-е гг. советское государство, меньше всего заботившееся о чистоте православия, было готово сотрудничать с международным экуменическим движением и привлечь к нему Московскую патриархию. По мнению Болотова, этому помешало лишь осознание невозможности играть в межконфессиональном диалоге лидирующую роль (с. 224–225). Действительно, было бы наивно полагать, что Русская Церковь, всего лишь 10 лет назад стоявшая на грани полного физического уничтожения, не восстановив силы после репрессий 1937–1938 гг. и по-прежнему находясь под гнетом государства, сможет направлять ход международной церковно-политической игры. Со своей стороны, главы поместных церквей, и прежде всего вселенский патриарх, не собирались уступать лидерство. Кроме того, как отмечает автор исследования, Запад активно оказывал давление на восточных патриархов, стараясь не допустить их участия в московском Совещании (с. 220–223). В результате, несмотря на известный резонанс, оно так и не выполнило задач, изначально ставившихся советским руководством (с. 257), которому оставалось лишь саботировать инициативы, возникавшие на православном Востоке. Так, из-за позиции Московской патриархии было сорвано Вселенское Предсоборное совещание. Однако это не могло принести заметного урона Церкви (с. 280). В то же время Болотов совершенно справедливо указывает на то, что

попытки государства использовать силы Русской Православной Церкви в своих внешнеполитических целях позволили ей восстановить межправославные и международные связи и приобрести «иммунитет к открытым гонениям и репрессиям внутри СССР» (с. 286). Впоследствии власти уже не удалось возобновить гонения на Церковь в довоенных масштабах.

При всех явных достоинствах книга Болотова не лишена и некоторых недостатков. Нельзя, например, согласиться с тем, что публикация «Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 г. о прекращении гонений на Церковь вызвала «разлад в среде специалистов» (с. 7). То, что этот документ является подделкой, было убедительно доказано И.А. Курляндским<sup>3</sup>. Более того, как раз среди *специалистов* разлада из-за публикации данной фальшивки не было.

Неточно и утверждение автора, будто настоятель прихода в Буэнос-Айресе протоиерей, а затем протопресвитер Константин Изразцов до 1926 г. находился в подчинении Московской патриархии, после чего перешел в РПЦЗ (с. 189). На самом деле этот известный миссионер с начала 1920-х гг. подчинялся напрямую Зарубежному Синоду, который в 1923 г. передал управление приходами в Южной Америке митрополиту Евлогию (Георгиевскому). В 1926 г. протопресвитер К. Изразцов поддержал Зарубежный Синод во время его конфликта с митрополитом Евлогием. К тому же до 1927 г. в эмиграции не было разделения на «приходы Московского патриархата» и «приходы Русской Зарубежной Церкви». В первой половине 1920-х гг. все находившиеся за границей русские архиереи поминали на богослужениях московских предстоятелей и в большинстве своем участвовали в управлении Русской Зарубежной Церковью, поддерживая связь с Карловацким Синодом. Даже иерархи, державшиеся обособленно, как, например, архиепископ Сергей (Тихомиров) в Японии или митрополит Платон (Рождественский) в Северной Америке, старались сохранять отношения с зарубежным церковным центром. Разделение началось лишь во второй половине 1927 г., после того как заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) потребовал дать подписку о прекращении антисоветской деятельности. Как известно, часть зарубежных иерархов, включая митрополита Евлогия (Георгиевско-

го), согласилась с этим требованием и перешла в прямое ведение митрополита Сергея. Только с этого момента можно противопоставлять приходы Московской патриархии и Русской Зарубежной Церкви.

Несколько невянятно в монографии говорится о том, что после «Декларации» митрополита Сергея Русская Зарубежная Церковь «разорвала все связи с Москвой и заняла по отношению к СССР непримиримую позицию» (с. 36). Враждебность РПЦЗ к Советской России проявилась задолго до 1927 г. Неприятие же в Зарубежной Церкви политики митрополита Сергея объяснялось не столько его «Декларацией», сколько все тем же требованием подписки о прекращении выступлений против СССР. При этом в 1927 г. РПЦЗ разорвала с московской церковной властью не все связи, а только административные, в то время как евхаристическое и молитвенное общение формально сохранялось до 1931 г. Наконец, не совсем корректно именовать движение последователей митрополита Иосифа (Петровых) «церковным расколом» (с. 204). Хотя иосифлянство находилось в оппозиции к Московской патриархии, в нем скорее следует видеть разделение, а не раскол. Не случайно многие иосифляне причислены Русской Церковью к лику святых.

Впрочем, все это никоим образом не умаляет достоинств проделанной С.В. Болотовым работы. Его зрелое и научно значимое исследование будет полезно как профессиональным историкам, так и широкому кругу читателей, интересующихся прошлым нашего Отечества.

**А.А. Кострюков,**  
кандидат исторических наук  
(Православный Свято-Тихоновский  
гуманитарный университет)

## Примечания

<sup>1</sup> См., например: Разорвать экуменическое кольцо. Всеправославное Совецание 1948 г. об экуменизме. М., 1998. С. 11–59.

<sup>2</sup> Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999. С. 166; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005. С. 300–301.

<sup>3</sup> Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. М., 2011. С. 523–549.